

ОМСКИЕ ГОДЫ

ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО

— 1 —

ПЕРИОД биографии Достоевского, который впоследствии был назван «омским», начался в столице Российской империи — Петербурге. Как известно, молодой писатель, автор имевшего шумный успех романа «Бедные люди» и других произведений, был в 1849 году арестован за активное участие в кружке Петрашевского. Суд приговорил его к расстрелу, который в самый последний момент был заменен каторгой.

«Отставного поручика Достоевского... участие в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти, и за покушение, вместе с прочими, к распространению сочинений против правительства, посредством домашней типографии, лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях...».

Пройдут четыре страшных года. Будет месячная передышка между острогами и отъездом в семипалатинскую солдатчину. И Достоевский, как бы продолжая мысли четырехлетней давности, напишет брату следующее:

«Не бесплодно пройдут эти годы... Ведь позволял же мне печатать лет через шесть, а может, и раньше. Ведь много может перемениться, а я теперь взора не пишу. Услышши обо мне... На душе моей ясно. Вся будущность моя и все, что я сделаю, у меня, как перед глазами. Сколько я вынес из каторги народных типов,

характеров! Я сжился с ними, и поэтому, кажется, знаю их порядочно. Сколько историй бродяг и разбойников и вообще всего черного горемычного быта. На целые томы достанет. Что за чудный народ. Вообще время для меня не потеряно. Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, немногие знают его».

— 2 —

ТОМУ, что омские годы для Достоевского как для писателя прошли «не бесплодно», в немалой степени способствовали некоторые омики. Недаром Александр Сергеевич Пушкин в свое время остроумно заметил, что в России всегда было спасение от дурных приказов — их дурное исполнение. К счастью, не все омское начальство слепо подчинялось жестоким инструкториям, касающимся Достоевского.

Документ, о котором сейчас пойдет речь, цитируют авторы многих исследований о Достоевском — уж очень красноречиво показывает он тупость и бесчеловечность царского правосудия. В ставейном списке государственных и политических преступников, находящихся в Омской крепости, против фамилии автора «Бедных людей», «Двойника», «Белых ночей», «Неголки Незвановой» обозначено — «чернорабочий, грамоте знает». Составителям сей бумаги было безразлично, что этого «чернорабочего»

знает читающая Россия.

Под ставейным списком стоит подпись коменданта Омской крепости полковника де Граве. Казалось бы, данный факт — достаточное основание для презрения к этому человеку. Однако в письме к брату Достоевский называет коменданта «человеком очень порядочным».

Де Граве пытался облегчить судьбу писателя. Сразу же после прибытия Дурова и Достоевского в Омск он ходил к генерал-губернатору Горчакову уточнить — как обращаться с этими арестантами. Горчаков сделал вид, что не понял намека, «по закону» — был его ответ.

В 1852 году де Граве ходатайствовал перед военным министром о переводе Достоевского и Дурова из каторжных в военносрочные арестанты с освобождением «от ножных желез». Однако «монаршего соизволения на сие представление не последовало».

Комендант в самый последний момент спас Достоевского от наказания розгами, которому хотел подвергнуть ссыльного писателя плац-майор Кривош.

Достоевский впоследствии вспоминал, что в доме генерала его принимали как равного. А вот отзывы о супруге коменданта: «Моя добрая знакомая, женщина благородная и умная».

Когда летом 1859 года Федор Михайлович возвратился из Семипалатинска в Россию и проездом был в Омске, он заходил познакомиться с комендантом и его семьей. Об этом свидетельствует письмо, посланное позже одному из семипалатинцев: «В Омске я пробыл трое или четверо суток, был у старых знакомых и начальников, как-то де Граве и проч.».

Теперь на бывшем доме де Граве установлен мемориальный барельеф с надписью: «В этом доме бывал великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский».

— 3 —

НЕМАЛО делал для осужденного писателя инспектор классов Сибирского кадетского корпуса Иван Викентьевич Ждан-Пушкин. Подробно об этом человеке сказано в воспоминаниях Г. Н. Потанина (будущий выдающийся ученый и путешественник в те годы учился в корпусе).

«Ждан-Пушкин, — пишет Потанин, — был разносторонне образованный человек; он знал французский, немецкий, английский языки, был отлично знаком с историей современной литературы, особенно английской, и с историей вообще. Но главным образом, его благородный и открытый характер оставлял глубокий след в умах его питомцев: кадеты старались подражать ему».

В другом месте Потанин говорит о Ждан-Пушкине: «Его намерением было сделать из нас рыцарей, способных бесстрашно принять царю».

В кадетском корпусе учились братья тобольской знаковой Ждан-Пушкина М. Д. Францевой. Он переписывался с ней по вопросам, касающимся воспитания юношей. И вперемежку с педагогическими рассуждениями письма содержали важные сведения о положении узников.

Есть предположение, что комендант Омской крепости де Граве благосклонно относился к петрашевцам не без влияния Ждан-Пушкина.

Иван Викентьевич переговорил со старшим доктором военного госпиталя И. И. Троицким, который немало помогал заключенным.

Инспектор кадетского корпуса пытался даже усовестить непосредственного начальника обитателей Мертвого дома — плац-майора Кривоша — «каналью, каких мало, мелкого варвара, сутягу, пьяницу» (характеристика Достоевского).

Уже после освобождения Федора Михайловича, когда он служил в Семипалатинске — в линейном батальоне, Ждан-Пушкин помог устроить в кадетский корпус Пашу Исаява — пасынка только что женившегося Достоевского — того из-за малолетства не хотели принимать.

Для всех этих дел требовалась не только порядочность и доброта, но и определенная смелость.

Достоевский после выхода из острога переписывался со Ждан-Пушкиным. Письма эти сохранились и опубликованы. В них немало ценных мыслей писателя, различных бытовых подробностей.

— 4 —

НЕ НАЗЫВАЯ фамилии, Достоевский в «Записках из Мертвого дома» с симпатией говорит о старшем госпитальном докторе. Сейчас нам известно его имя — Иван Иванович Троицкий.

В госпитале Достоевский бывал часто. Троицкий и некоторые другие служители госпиталя относились к петрашевцам сердечно; жена доктора утешала обещанием, сам он давал им читать французскую газету «Север».

Но не это главное. Госпиталь был единственным местом, где Достоевский хоть немного мог работать как писатель.

В рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина хранится ветхая самодельная, сшитая из писчей бумаги тетрадка. Ее странички заполнял Федор Михайлович, бывая в госпитале. Это единственный памятник литературной работы писателя в Омском остроге.

Записи «Сибирской тетради» (всего их около пятисот) имеют исключительно литературный характер. В ней собраны поговорки, прибаутки, сценки, частушки... Это заготовки, материал для будущих произведений. И многое из этой невзрачной тетради

перекочевало потом на страницы величайших романов: «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы» и другие. Особенно часто обращался писатель к «Сибирской тетради», работая над «Записками из Мертвого дома».

Есть сведения, согласно которым тетрадь эта хранилась у госпитального фельдшера А. И. Иванова. В Омском краеведческом музее есть его фотография.

В воспоминаниях Мартьянова приводится интересный факт. Из Омска в Петербург поступил донос на доктора Троицкого о том, что он покровительствует политическим преступникам. Приехал чиновник для расследования, стал допрашивать Достоевского и других.

«Политические арестанты, — пишет Мартьянов, — при допросе их, давали такие уклончивые плоскостельные ответы, что следователь становился в тупик и только бранился. Так, Ф. М. Достоевский на сделанный ему следователем вопрос: не писал ли он чего-либо в остроге или когда находился в госпитале? — ответил:

— Ничего не писал и не пишу, но материалы для будущих писаний собираю.

— И где же материалы эти находятся?

— У меня в голове.

— 5 —

ОТ ОМ, как относиться к писателю простые омики, можно узнать, внимательно прочитав «Записки из Мертвого дома». Например, в начале главы «Первый месяц» Федор Михайлович коротко пишет о своих встречах с женами декабристов в Тобольске, об их помощи и участии.

Когда начался каторжный срок Достоевского, в Омске, в Сибирском кадетском корпусе учился юный Валдик Чокан Валиханов — будущий знаменитый путешественник и ученый. Как и весь культурный Омск, кадет Валиханов знал, что в остроге заточен известный писатель, ждал случая встретиться и познакомиться с ним. И вот в начале 1854 года в доме К. И. Иванова эта встреча произошла. Встреча, ставшая началом искренней дружбы, которая продолжалась до самого конца короткой жизни Чокана. Они не раз встречались потом — в Семипалатинске, в Петербурге, переписывались. И Достоевский сыграл немалую роль в судьбе своего талантливого друга, посоветовав избрать главным делом жизни науку и деятельность.

Когда Федору Михайловичу было разрешено покинуть Сибирь, он на трое суток останавливается проездом в Омске. И здесь — новые встречи с Валихановым. Есть предположение (П. Косенко), что именно в эти омские дни сделана известная фотография Валиханова и Достоевского, на которой они запечатлены рядом.

Авторы многих работ о Достоевском подчеркивают исключительно большое значение омского периода в биографии и литературной деятельности писателя.

А. ЛЕЙФЕР,
журналист.